
ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 60.542.21:63.3(0)62

Л. Н. Пушкарев

ПЕСНИ «ДАНЦИГСКИХ ПОЛОНЯНОК» (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика)

65-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне памятен не только торжественными реляциями об освобождении наших городов от фашистского ига, но и горькими воспоминаниями о наших поражениях, тяжкими думами о миллионах погибших на фронтах и в тылу, о пленниках фашистских лагерей, об отданных в рабский труд пруссакам-фермерам наших военнопленных... Не только славны, но и жестоки и горьки итоги Великой Отечественной войны...

Прошло столько лет с тех пор, как отгремели последние залпы орудий и взрывы бомб, но в памяти — увы! — уже у немногих еще живущих ветеранов войны, фронтовиков сохраняются образы военных лет и истории человеческих судеб. Об одной из волнующих встреч на дорогах войны я и хочу рассказать.

Участвуя в Восточно-Прусской операции 13—24 января 1945 г. в составе 2-го Белорусского фронта, наша воинская часть вышла под Данциг, где помогла в освобождении из концентрационного лагеря девушек-заключенных. После того как они были выведены из зоны боевых действий и отправлены в тыл, комсорг 2-й роты И. М. Голуб (хлебороб из с. Губиниха Новомосковского района Днепропетровской области) обнаружил в канцелярии лагеря изъятые у девушек дневники и песенники, письма и документы. И. М. Голуб отобрал часть из них и тем самым фактически сохранил их от уничтожения. Вскоре в расположение лагеря упала бомба, и здание канцелярии сгорело.

Меня как фольклориста очень заинтересовали принесенные Голубом «песенники девушек-полонянок». Большая часть девушек была родом с Полтавщины. Два песенника содержали песни на украинском языке, а остальные — на русском. Будучи комсоргом батальона, я проводил ежедневные политбеседы с бойцами и сразу же использовал эти материалы в своей пропагандистской работе. Бойцы нашего батальона принимали близко к сердцу судьбы женщин.

К сожалению, сохранить груды «вещдоков» — писем и дневников — не представлялось возможным в военных условиях. Я только смог переписать часть песен с целью пополнения собираемых мною произведений устного народного творчества.

В песнях, как в дневниках и письмах, звучала отчаянная горесть и вместе с тем огромная любовь к оставленной Родине, к далекой покинутой Полтавщине, к украинскому степному раздолью. Это даже повлияло на изменение песенного

репертуара части. Многие бойцы переписали эти песни и пробовали петь их, в большинстве случаев на мотивы популярных, нередко народных украинских песен и называли их данцигскими — по названию лагеря.

Одна из таких песен исполнялась на мотив «Раскинулось море широко», причем особенно часто. Ее текст — из песенника Марины Довженко (кроме имени о ней ничего не известно):

Раскинулись рельсы стальные,
По ним эшелоны стучат.
Они с-под Полтавы уносят
В Германию наших девчат.

Прощайте, полтавские рощи,
Мне больше в лугах не гулять.
Придется в фашистской неволе
Мне век молодой коротать.

Забуть ли нам плач материнский
И хмурые лица отцов,
Которые нас провожали,
Как будто живых мертвецов...

Когда же с победой вернется
Мой брат, краснофлотец-герой,
То все вы ему расскажите
О бедной сестре молодой...

Видимо, этот вальсовый напев пришелся по душе несчастным пленницам: мне встретилось еще несколько песен на этот же мотив. Вот текст из песенника некой Тани Семенюк:

Раскинулись рельсы далеко,
По ним эшелоны гремят.
Они с Украины уносят
В Германию бедных девчат.

Прощай же, родной городишко,
Прощайте, друзья и семья;
Прощай, чернобровый мальчишка
И первая встреча моя...

Прощайте, луга и левяды —
Мне больше уж вас не видать...
Я буду в немецкой чужбине
Свой век молодой коротать...

Но верю: вернется с победой
Мой брат, черноморец, домой.
Тогда вы ему расскажите,
О том, что случилось с сестрой...

В одной песне шел рассказ о жизни девушек в лагере. В ней было 20 куплетов, но в моих записях сохранилось лишь начало да два куплета из середины (дневник-песенник Наталки Хвощ):

*Л. Н. Пушкарев. Песни «данцигских полонянок»
(Из воспоминаний фольклориста-фронтовика)*

Раскинулся лагерь широко,
В нем тысячи пленных живут,
Их бьют, истязают жестоко,
Они голодают и мрут.

По сетке бежит электрический ток,
За нею — канавы и доты.
Всегда наготове взведенный курок
И смотрят на нас пулеметы...

«Товарищ, не в силах я на ноги стать!» —
Сказал один пленный другому.
Я сильно ослаб, головы не поднять,
Видать, не вернусь я до дому.

Ты скажешь родным, что я здесь заболел».
«Эх, полно, мой друг, я не знаю...
На долю нам выпал несчастный удел,
Я сам, как свеча, догораю...»

Вот еще одна песня. У меня сохранилось лишь 3 куплета, а было их 12.
Эта песня из тетрадки Галины Борщ:

Раскинулись рельсы далеко,
По ним эшелоны летят.
Они из Полтавы увозят
Несчастных и бедных девчат...

Забуду ли мамины слезы
И хмурые брови отцов,
Когда они нас провожали,
Как будто девчат-мертвецов...

Я верю, с победой вернется
Мой брат, пехотинец-герой.
Так пусть же братишка узнает
О том, что случилось с сестрой.

Далее в песне говорилось о том, какие унижения пришлось перенести
Галине... Окончание, увы, не сохранилось.

Большой интерес уже тогда в нашей части вызвала песня, созданная на
мотив старой русской песни ссыльных каторжан «Глухой, неведомой
тайгою...» (вариант из песенника Сони Омельченко):

Глухой, неведомой дорогой,
Германской дальней стороной
Увозят девушек советских
В далекий-дальний край чужой...

Пылит и катится дорога,
Маячит каторга вдали...
Укрой, лесочек, на часочек,
Чтоб убежать бы мы могли!

А там, под дальнею Полтавой,

Осталась мать, остался брат,
Остались сестры дорогие.
Ах, не вернуться мне назад...

На этот же мотив была сложена еще одна песенка из песенника-дневника
Зои Петренко:

Глухой, неведомой дорогой,
Германской дальней стороной
Увозят девушек с Полтавы,
Увозят в дальний край чужой...

Пред нами — дальняя дорога,
До края моря путь лежит...
Укрой, спасительный лесочек,
Пока подружка убежит!

А дома, в солнечной Полтаве,
Осталась мать и малый брат,
Остались все мои родные —
Так сердцу хочется назад!

Дневник-песенник Ирины Шевчук содержал рассказ о жизни в лагере, о
ее сновидениях, щемящих сердце воспоминаниях о доме, о прошлой жизни:

Сию в плену, в краю далеком, чуждом,
А дни идут печальной чередой...
А далеко отсюда, под Полтавой,
Мой милый край и отчий дом родной...

И снится мне, как мать моя убога,
Закончив трудный и тяжелый день,
Взглянет в закате в дальнюю дорогу —
А не мелькнет ли там Ирины тень...

Ну как не позавидовать мне птицам
И облакам, плывущим в тишине.
Так далека родимая станица,
Где я бываю только лишь во сне...

Тоской и безысходностью веяло ото всех этих песен. Встречались и
такие, в которых была надежда на расплату за все муки, что пережили
заключенные. Так оканчивалась песня из дневника Маши Бородай:

Вагон качается, ночь надвигается,
Но так далек желанный сон...
Полтава милая все удаляется —
Идет на Балтику наш эшелон...

Прощай, околица, прощай же, улица,
Прощайте, девушки, отец и мать!
Душа тревожится, душа волнуется:
Мы едем мучиться и погибать...

Так знайте ж, сволочи вы все фашистские,
Настанет, близится ваш смертный час:

Войдут в Германию герои-воины
И отомстят они за всех за нас!

Жгучее желание расплаты содержалось в песне, записанной в тетрадку Лены Брик:

Я сижу в плену в краю далеком,
Дни бегут печальной чередой.
Далеко на юге, под Полтавой,
Мой любимый, милый хутор мой!

Снится мне, что мать моя, старушка,
Часто за околицу бредет,
И глядит на дальнюю дорогу,
И меня скорей обратно ждет.

Пусть пожар по свету полыхает,
Пусть война бушует по стране,
Все равно счастливый час настанет:
Разобьем фашистов на земле!

Часто в песнях «данцигских полонянок» звучали вера в освобождение и надежда («как компас земной») на него. Вот одна из таких записей из тетради Нади Савчук:

Увезли нас в железных вагонах
По широким полтавским степям,
Увезли нас, родимая мати,
За три тысячи верст от тебя!

Но я верю: вернусь я однажды
В наш родимый степной городок,
Постучу я в родное окошко
И взойду на родимый порог...

Ты, родимая, горестно встретишь,
Постаревшая с горя и слез,
Вот тогда мы расскажем друг другу,
Кто, и что, и когда перенес!

Приходилось только удивляться, что в песнях заключенных полтавчанок мотивы тяжелой неволи и нечеловеческих страданий не перерастали в безысходность. Надежда была на «братьев-солдат»: они принесут освобождение и отомстят за страдания. Такова песня «Что случилось с моею судьбою...». Она встретилась в тех тетрадках в четырех вариантах. Один из них — из песенника Анны Иванченко:

Ой вы, братья-солдаты, родные,
Выручайте вы нас поскорей,
Отомстите за наши страданья
И побейте вы фрицев-зверей!

Пусть свинцовым дождем отольются
Слезы те, что мы льем по ночам.
Отомстите за наши страданья
Всем эсэсовцам, всем палачам!

*Л. Н. Пушкарев. Песни «данцигских полонянок»
(Из воспоминаний фольклориста-фронтовика)*

Мы все верим: настанет свобода,
Вы придете, побьете врагов,
Всех насильников, извергов, гадов,
Всех эсэсовцев, всех немчуров!

Удивительно, но встречались в песенниках и частушки, чего я не мог даже предположить, поскольку эта форма устного народного творчества имеет определенную тональность. Но оказалось, что этот боевой жанр нашел свое место и среди песен «данцигских полонянок». Частушки кратко излагали судьбы угнанных в Германию — даровой рабочей силы, в них говорилось об ожидаемом отмщении советских солдат за поруганную девичью судьбу и честь. Вот что осталось в моих записях:

Распроклятая Германия
Затеяла войну,
Увезли меня с Полтавы
На чужую сторону.

Дует ветер, поддувает,
Нагоняет холоду.
А нас, лагерных девчонок,
Уморяют голодом!

Верю: нас освободят
Воины советские,
А вы за все ответите,
Холуи немецкие!

Мама, мама дорогая,
Забери меня домой!
Заграничная судьбина
Оказалась тюрьмой!

Неужели я пропала,
Неужели пропаду?
Неужели по лесочку
Я из лагеря не уйду?

Как загнали в лагерь нас
У самого озерушка...
Не сидел кто в лагерях —
Тот не знает горюшка!

Прошла весна, настала осень,
В саду цветочки отцвели,
Меня, девчонку молодую,
В фашистский лагерь отвели...

Ой, мама, милая, родная,
Зачем меня ты родила?
Чтобы фашистскому солдату
Я как подстилочка была...

Непредсказуема судьба фронтового фольклориста! Через несколько дней под одну из бомбежек попал и мой рукописный архив с данцигскими песнями и дневниками полтавчанок. Остались лишь те фрагменты, что я публикую спустя так много лет после тех памятных событий. Они долго лежали в моем архиве. Я надеялся найти хотя бы некоторых из тех, кто был освобожден из лагеря и мог бы что-либо сказать о держателях записей. Это надо было сделать сразу после войны и демобилизации. Но тогда, в голодные послевоенные годы, у меня были другие задачи.

Остается только в замечательный юбилейный год еще раз прославить подвиг советского народа, разгромившего фашистскую армию, и склонить голову перед памятью о тех, кто безвинно пострадал в этой страшной войне, кто пережил плен и ужасы фашистской неволи.